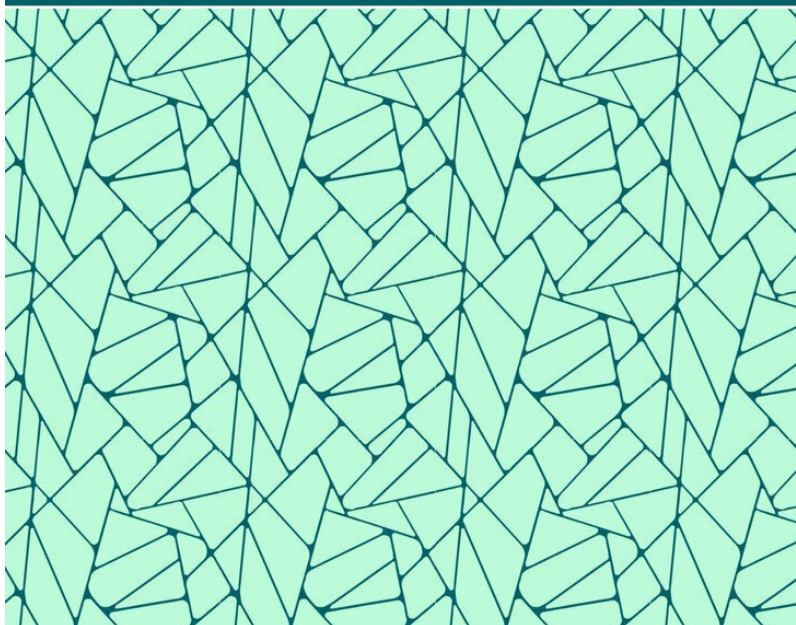

18+

Федор Булкин

*Каприччио
Черномоора*

Федор Булкин

Каприччио Черномоора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73874514

ISBN 9785006992283

Аннотация

История, которая произошла в далёком 1975 году, повествует, как неблагополучный подросток попадает в колонию для несовершеннолетних, которая меняет его мировоззрение. Там он погружается не только в мир озлобленных преступников, он соприкасается с миром музыки, там он сам становится музыкантом. Одновременно с этим в Англии его будущий кумир строит карьеру в группе «Ярко Фиолетовые». В жизни они соприкасаются только через музыку.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

КАПРИЧЧИО ЧЕРНОМООРА	5
Часть I	6
о чём книга	6
Комиссия по делам	8
Ротанговая трость	12
Даниловский спец распределитель	15
Команда Ларри Скотча	18
Бомбора	21
Всадники у врат хард-рока	27
Новый бугор	30
На другом конце континента	34
Марго	37
My Woman from Osaka	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Каприччио Черномоора

Федор Булкин

© Федор Булкин, 2026

ISBN 978-5-0069-9228-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАПРИЧЧИО ЧЕРНОМОРА

Часть I

о чём книга

История, которая произошла в далёком 1975 году, повествует, как неблагополучный подросток попадает в колонию для несовершеннолетних, которая меняет его мировоззрение. Там он погружается не только в мир озлобленных преступников, он соприкасается с миром музыки, там он сам становится музыкантом. Одновременно с этим в Англии его будущий кумир строит карьеру в группе «Ярко Фиолетовые». В жизни они соприкасаются только через музыку. Какие люди им попадаются на пути, какие события разворачиваются в их нелёгком движении к истине. Рушатся границы, уходят в небытие целые государства. История о том, как несмотря ни на что мечты становятся явью. Тут нет отрицательных героев. Все герои на своём, отведённом только им месте. Почему их пути пересеклись, как сложится их биография дальше? Всё это вы найдёте на страницах романа. Внутренний мир героев, их язык, их поступки погружают в ситуации, с которыми вы вряд ли пересечётесь в жизни. Как выглядит изнанка жизни «оттуда», какой была жизнь за железным занавесом, всё это возвращает дух времени, его суровую суть

Всем, чего я добился в этой жизни,
я обязан своей матери.
Она в меня никогда не верила.

Комиссия по делам

Снаружи здание напоминало обычную школу. Я здесь никогда не был. Судя по вывеске перед входом, это был Химико-технологический институт, но никаких студентов и профессоров тут не было. Была вахтёрша на входе. По всему было видно, что сегодня у неё не обычный день. Вернее вечер. Она несколько раз принималась вязать спицами, но что-то ей мешало. Каждый раз откладывая вязание в стол, она обходила холл, поправляла и без того ровные, как на параде стулья, заходила за стойку раздевалки и принималась проверять правильность нумерации номерков на крючках вешалок. Нас было четверо: три пацана и девчонка. Свет горел на входе и в аудитории, а мы сидели в полумраке холла. Каждый раз, проходя мимо вахтёрша окидывала нас взглядом не то из сострадания, не то из подозрения как бы чего не спёрли.

За дверью слышались шаги и равномерный гул голоса докладчика. Слов было не разобрать, а голос по всему читал хорошо заученную мантру. Ничто не выдавало эмоций говорящего. Затем послышались шаги, и женщина из-за приоткрытой двери властным голосом позвала: Крутелёв! Пацан, который сидел рядом с девчонкой, втянул голову в плечи, нехотя встал и направился к двери. Как двоечник, не заглянувший в книгу, но вызванный к доске первым. Девчонка

сидела с краю и теперь её можно было разглядеть. Она деланно плюнула, цыкнув через зубы на пол и сверкая злыми глазёнками предъявила: Чё зыришь? Очки поправить? Хотя никаких очков на мне не было и вообще на зрение я не жаловался. Я привычно, на автомате парировал выпад: Да пошла ты, очень надо. Она была с виду обыкновенная, обычная школьная форма, белый передник. Вместо косичек волосы собраны в жиденький хвостик. Единственно что бросалось в глаза на ней не было ни значка, ни пионерского галстука. По ходу её забрали прямо с уроков, раз в форме.

Следующим вызвали меня. Когда я вошёл, мне не разрешили присесть к матери, которая сидела в первом ряду, а просто поставили столбом сбоку, не доходя до стола, лицом к окну. За окном сидела майорша в милицейской форме, Юдина. Какое у неё было имя и отчество, я уже забыл, но помню в деталях её казённое лицо без эмоций, её погоны с двумя полосками и одной звездой, значки щит и меч в красных петлицах, серый казённый галстук на резиночке. Она зачитала как молитву скороговоркой мою характеристику, потом какие-то справки, выписки, очень похожие на доносы и, когда я хотел оправдаться, она, не поворачивая головы, сказала ровно: Тебя не спрашивают. Я повернул голову в сторону матери, а она сидела, потупив глаза в пол, как будто уже отказалась от меня навсегда. Это было потрясением. Я не сразу расслышал команду Юдиной, – Посиди в коридоре, – и только тогда она повернула голову в мою сторо-

ну и сказала коротко, – Выйди! Я выбежал, на ходу обоими руками сильно толкнув дверь и не останавливаясь, не взяв шапки со стула, выбежал на улицу мимо вахтёрши, на лице которой подскочили вверх очки.

Может это была не отправная точка в моей судьбе, может всё произойдёт позже или было до? Память странная штука. Что-то вылетает из неё на второй день, а что-то врезается как барельеф на гранитную плиту. Через неделю, в выходной, мать, как-то с утра, засуетилась. Нагладила мне рубашку и штаны, заставила помыть ботинки, и долго перебирала в кладовке вещи, но так ничего не подобрав, достала из гардероба болоньевую куртку с меховым воротником и заставила примерить. Она её редко одевала. Куртка была табачного цвета, на молнии и сидела мешковато. Тогда мать порылась на полке и нашла пояс от этой куртки. С поясом было гораздо лучше. Потом мы завтракали, а она мне всё подкладывала котлеты, но с утра есть не хотелось. Тот случай в институте уже начал забываться и жизнь вошла в обычную колею. Утром домашка, обед, школа во вторую смену, а вечером СЮТ – станция юных техников. Там авиамодельный кружок. По средам у нас в школе был фотокружок, и я его тоже иногда посещал. В выходные мы с пацанами вставали на лыжи и по раскатанной лыжне бегали в овраги, где были горки. А невидимые часики тикали, отсчитывая следующую точку в моей судьбе, скомканной как использованная мокрая промокашка.

В дверь не позвонили, а почему-то постучали. Я был в зале, выглянул в коридор. Мать открыла. За дверью стояли два мужика в гражданке и та самая майорша Юдина. – Вы собрались? – спросила она мать. Мать кивнула головой. – Одевайся. «Надо будет съездить в отдел», – сказала она мне, отводя глаза и как-то судорожно стала помогать одевать куртку, принесла из ванны намытые ботинки. Всё это время визитёры стояли за распахнутой дверью, так и не войдя в прихожую. Долгих два года я не переступлю порога нашей квартиры, я тогда об этом не знал. Да и никто об этом не знал. На столе осталась недоделанная домашка, в авиамодельном – не доклеенное крыло таймерной модели, а в фотокружке – высохшие фотки с последней лыжной прогулки.

Пока меня опускали на лифте сотрудники внутренних органов, всё это пронеслось в голове. Мать с нами не пошла, навсегда перерезая пуповину и без того не простых наших с ней отношений.

Ротанговая трость

В школе его частенько били. В Англии телесные наказания для школьников были отменены в конце восьмидесятых. Это ощущение несправедливости, постоянное чувство вины преследовало потом всю жизнь. Свист ротанговой трости часто ему снится, он с ужасом хватается себя за ягодицы, как будто хочет ощутить под пальцами набухшие багровые рубцы. Бас гитарист «Полиции», родившийся на семь лет, позже так описывал экзекуцию: «За раз можно получить шесть ударов, три можно вынести, четвёртый – это мучительно, на пятом ты хочешь убить того, кто делает это с тобой, на шестом ты теряешь всякое уважение к авторитетам. Это было очень жестоко, почти как в Средневековье». Правда, шесть ударов это в поздних классах, первоклашкам полагалось по три удара. А вот сила удара, сила та же. Позже, в начале восьмидесятых в альбоме «Стена» другой группы из Англии прозвучат как выстрел слова: «Нам не нужно такое образование». Рациональный департамент образования королевства установил порядок, по которому на розги должны скидываться сами родители. Ричу казалось, что, если он каким-то образом избежит порки, отец будет им недоволен. Ведь за это уплачены деньги. С тех пор угрюмое выражение лица стало его вторым эго. Действительность располагала.

Занятия на гитаре отвлекали его от мерзостей жизни,

а ещё он любил футбол. Да и какой бритт не любит футбол, как русский быструю езду на тройке? Гитара у него появилась в 11 лет. Это была акустика. Следующие пять лет он будет впитывать знания и упражняться. В пятнадцать он будет сносно аккомпанировать, будет состоять в одной из начинающих рок групп, попадёт в команду исполнителя Ларри Скотча, а ещё будет брать уроки игры у другого сессионщика – Биг Джимм Соулмэна. А пока он отбывал срок в школе, потом мчался домой к любимой гитаре. Нельзя сказать, что в школе он о ней забывал. Напротив, он играл в уме. С тех пор как он впервые увидел гитару, она прочно обосновалась в его голове.

Конечно струнные инструменты не сахар. Пальцы долго набиваются мозолями, а до того он вынужден был откладывать гитару на шкаф. Зато сколько нюансов можно получить в игре дёргая струну по-разному. С клавишами этот номер не пройдёт. Поначалу толстый гриф доставлял массу хлопот. Большой палец быстро уставал при игре аккордов с баррэ. Позже он оценит другое качество толстого как черенок лопаты грифа, его отражающую способность. Щипок всегда характеризуется быстрой атакой звука. Тонкий гриф скрадывает мощность обертонов, а именно они придают звуку окраску и неповторимый тембр. Струна колеблется на двух опорах. Корпус акустической гитары создан для усиления звука колеблющейся струны, но в акустике меньше половины струны колеблется над корпусом. Основная часть колеблется

над грифом. Он долго размышлял о природе звука. Это потом пригодилось ему для поиска своего фирменного кранча (хруста). Они начинали карьеру, когда империя гитарного звука только-только зарождалась. Буквально три года назад был открыт эффект перегруженного звука. Простенькие педальки преобразования спектра гитары были несовершенны, вносили много ненужного шума. По сути они тогда использовали два состояния: чистый звук и перегруз. Он потом в качестве преобразователя сигнала будет использовать тракт записи катушечного магнитофона Aiwa. Ленты в бобине хватало на целое отделение концерта. Это предварительное усиление с подъёмом в области высоких частот было той самой грелкой перед кардинальным ограничением сигнала, давшего тот самый звук.

Даниловский спец распределитель

В машине было тесно. Кажется, это была старая Волга ГАЗ-21. Меня усадили на заднее сидение, между двух мужиков, а майорша села вперёд. Привычно развернула зеркало заднего вида на меня, и я теперь постоянно упирался взглядом в отражение её потного лица. В боковые окна из-за мужиков смотреть было неудобно, я мог смотреть только вперёд, через лобовое стекло, но постоянно натыкался на её отражение в зеркале. Они всю дорогу молчали, как будто везли важного шпиона. Я ведь сразу догадался в какой «отдел» меня приняли. Уже в Москве один из попутчиков вполголоса скомандовал водителю: – Саня, тормозни где-нибудь.

Машина свернула с Большой Тульской за круглым Даниловским рынком и остановилась напротив сквера, прижавшись к тротуару. Он вышел и позвал меня. Когда дверь закрылась, он сказал: – Вон в тех кустах, – и показал взглядом, – Только быстро.

Откуда он узнал, что мне давно приспичило, я так и не понял. За сквером через дорогу проглядывалась высокая монастырская стена с пузатыми гранёными башнями по углам.

В другой жизни я частенько бывал недалеко от этого сквера. Там была рыбацкая Мекка магазин «Зорька». Единственный в Москве с богатым ассортиментом. Богаче только «Птичий рынок» на Калитниковке. Сколько таких как я па-

цанов они сюда свезли, ведает только Бог и «Комиссия по делам несовершеннолетних». Государственная машина работала как хорошо отлаженный смазанный механизм. Она карала и миловала, хотя во втором я сомневаюсь.

В приёмнике-распределителе мне предстояло прожить почти неделю. Потом, через шесть лет, по дороге в армию, на распределительном пункте в г. Железнодорожном, куда свозили всех рекрутов Московской области, я живо вспомнил все события тех пяти дней. И как на третий день заявился мой дядя капитан милиции и меня отпустили с ним на улицу. Мы сидели на скамейке, он задавал дежурные вопросы: – Как кормят, не обижают ли, как самочувствие?

А я тайком надеялся, что он приехал чтобы меня спасти. Говорить было не о чем. Я бы хотел узнать, как там бабушка в деревне, как мои двоюродные сёстры, его дочери, но слова застряли где-то на входе в горло, и я молча рассматривал монастырский двор. На прогулку нас не выводили. Там такая публика, кого в майке привезли, кого в шубе. Поэтому все сидели в классе и рисовали кто что хочет. Школьных занятий как таковых не было. Была стопка каких-то учебников не то за пятый, не то за четвёртый класс. Двух цыганят лет десяти воспитательница учила писать буквы и составлять слова. А занятий не было. Как будто попал в старое кино «Республика ШКИД».

В широком коридоре полы были выложены красивой плиткой. Нам здесь разрешали поиграть в кегли или побу-

цать мячик. Играли до первого вскрика. Сводчатый потолок хорошо усиливал любой звук и, как только кто-нибудь начал плакать, воспитательница тут же загоняла всех в класс. Как и куда меня распределили, было ли это заранее спланировано или пристройка начиналась по факту появления подростка в приёмнике, нам не сообщали. Да и меня уже ничто не удивляло, внутри сработала защита. Как будто сначала обмазали жирной глиной, а теперь она высохла. Оглядываясь назад, я потом задавался вопросом: А так ли уж надо было изолировать меня от общества? Был ли я опасен для него? Я же никого не убил, не покалечил, украл – да, было, но мать возместила деньгами потерпевшему. Но всё что ни делается – всё к лучшему (девиз палача). В Даниловке был мой первый шаг во взрослую жизнь.

Команда Ларри Скотча

Когда Ларри представлял его Соулмэну он сказал: если ты его не доконаешь, дядя Джим тебя многому научит. Дядя был старше его на четыре года. Своё прозвище получил из-за характерной медвежьей внешности. Но не гляди что увалень, с гитарой он управляется ого-го, а уж сколько всего может рассказать...

– Джимми, а правда, что нот всего пять?

– Нот семь: шесть тонов, двенадцать полутонов.

– А Чак говорит, что пять. Зачем тогда все эти лишние лады на гитаре?

Он рассмеялся, широко открыв рот в 32 белоснежных зуба. Этот парень ему определённо нравился. Умеет приказываться и при этом прикидывается простачком. Нет, он не прост.

– Я открою тебе секрет, в Африке всего пять нот. Двести лет назад наши колонисты привезли чёрных для работы в Америку и показали им гитару. Они тоже не понимали, зачем так много ладов, но нашли свои ноты и стали исполнять блюзы. Свои печальки.

– То есть, есть испанский лад, а есть африканский?

– Не совсем так, есть наш, равномерно темперированный, с семью нотами и есть пентатоника. Хотя если ты видел выступление Лес Пола, он играет в гамму би-боп, там шесть

нот. А мы добавляем в пентатонику пониженную пятую ступень, для равномерного деления на 12. Это и есть блюзовая гамма, двенадцати тактного блюза.

– А что такое пентатоника?

Вот, смотри на грифе она повторяется в разных сочетаниях пять раз – пять боксов (пять коробок). Он медленно проиграл сначала первый бокс, затем остальные.

– Запомни две цифры 26 и 47. Если нужна минорная пентатоника, удаляй из натуральной гаммы 2-ю и 6-ю ступень; если мажорная, то 4-ю и 7-ю ступени, но уже из натурального мажора. Это если вдруг запутаешься. Я научу тебя из минорной делать мажорную в одном и том же боксе. И комбинировать их.

Информации было так много, что он с нетерпением ждал окончания занятий, чтобы дома всё хорошенько попробовать. В следующий раз Биг Джим показывал почему проходы в натуральных ладах выглядят затянуто. Как заполнить такт пентатоникой с помощью ломаной или хромой гаммы. Она усиливает экспрессию. Он много чего знал, Соулмэн, но многим и делился. Интересно, а у кого учились этот очкарик и МакДоналд из «Жуков»? хотя ему не нравится этот полу джаз. Слишком сложная гармония для простых парней в зале. А девчонки? Девчонки повизжат и вырастут. Будут готовить супы и рагу, нянчить детей, а парни будут приходить после работы слушать их в пабе.

Мать второй раз звала его ужинать. Кажется, что её мис-

сия в жизни состоит в том, чтобы он обязательно покушал горячий ужин. Дни были суматошные. Их гоняли с точки на точку. У Ларри Скотча длинные руки. А ещё они сидели часами в фойе студии, вяло перебирая струны, пока очередная звезда не отшлифует свой дубль у микрофона. Ожидания он не любил. Он ненавидел потерянное время.

Дома он комбинировал ступени 131431 и 731431, хотя проще вторую часть сыграть, как и первую с другой интонацией. Это будет звучать, но не так выпукло. Надо искать и брать лучшие фразеровки. Иначе не выделиться из когорты таких же парней с гитарой. Пройдут годы, и он использует это в «Ленивце». Рифф чужой, но всё что он строит дальше подчиняется этому порядку.

Бомбора

Как давно это было. А вспомнить очень хотелось, с чего всё началось по-настоящему. Кое-что всё же всплывает в памяти. Яркое. Первое посещение духового оркестра в малолетке. Комната напоминала зрительный зал, только вместо экрана на стене развешаны блестящие серебром и золотом духовые инструменты. У каждого стула подставка для нот. На подоконнике стопка рукописных нотных листов с пометками КОРНЕТ В1, ТУБА, ТРОМБОН, ВАЛТОРНА. Нас новеньких трое, я и ещё из другого отряда двое. Пока мы осматривались по сторонам, вошёл руководитель. Это был грузный мужчина, немолодой с большим ноздреватым сизым носом, которого как мы уже поняли за глаза называли Бомбора. Как я потом выяснил этимологию слова это с латыни Си бемоль. Очень точное сравнение, а вот откуда и кто тут знал этот термин, для меня до сих пор загадка. Скорее всего Бомбора пришёл к нам с этим прозвищем. Да, непривычно. Тут никто никого не называл по имени, только прозвища (погонялово). Один бог ведает кто и как их придумывает, но они насмерть приклеивались, и ты через неделю свыкался со своим вторым Я. И не только мы – воспитанники, учителя тоже быстро привыкали. Спрашивают, к примеру, кто дежурный по классу. Ответ – Сегодня очередь Грача. – Так, Воронин, помойте губку и принесите из учительской

мел. Причём некоторые принципиальные педагоги пытались воевать с кличками, но традиция оказывалась сильнее. Да и выучить список из сорока человек не такой уж большой труд. И даже занимательно иногда. Почему Прохорова зовут Шестипалый? Пальцев у него пять? Но это только на руках, а босиком в классе мы не ходим. Если б они увидели ноги Прошкины, вопросов бы не было.

Бомбора, насупив лоб под очками задаёт первый вопрос, – Ноты кто знает? Мы переглянулись и пожали плечами. – Так, идите за мной, – он открыл крышку пианино. – Играйте что знаете. Я сыграл Цыганочку в Си бемоль миноре с шагающим басом, чем сильно его удивил. Откуда ему знать, что две недели назад пацан по прозвищу Чебурашка демонстрировал нам в Даниловском монастыре свои навыки игры. Кое-что из его арсенала я прям там же и разучил. Неизгладимое впечатление произвели эти грудные, органные аккорды. Я при каждом удобном случае их проигрывал с педалью, погружаясь с головой в магические звуки. – Годится, бери баритон, – Он указал на большую серебристую улитку на стене. – Лаптев, покажи новеньким пальцовку. Здоровый рукастый парняга разучивал на Тубе марш «Триумф победителей» композитора Чернецкого. А может не Чернецкого, но эта фамилия врезалась в память навсегда. «Прощание Славянки» точно его марш, а в стране нет его популярнее. Лапоть показал гамму. До мажор на вентилях:

0 1—3 2—3 3 0 2—3 2 0

До Ре Ми Фа Соль Ля Си До

– Сначала дуть учиться, – и он выдул с открытыми вентилями раскатистую До. – ПонЯли? – с ударением на второй слог спросил он. Мы закивали головами и пошли в коридор дуть До.

Второе что следом приходит на ум, как рано утром, за окном ещё было темно, раздался страшный грохот и шлепок. Сдавленный крик «маа-ма» нарушил тишину. Этот крик до сих пор стоит в ушах. Днём на линейке главная режимщица Марго объявила, что Прохоров из второго отряда попытался уйти в побег и упал с крыши третьего этажа. Шестипалого увезли в горбольницу на скорой и больше он у нас не появился. Но, по информации от дяди Гриши, он выздоровел. Был он вечно чумаз, запущен и диковат. Считался петушком и дружбы с ним никто не водил. Зачем он полез на крышу – загадка для всех. Был один курьёзный случай, когда пацаны на спор посадили ему на головку члена шмеля. Мошонка и член опухли так, что он не мог ходить. Лежал почти месяц у нас в лазарете. Так он поспорил сам. Никто его не принуждал.

Воспоминания приходили сами. Стоило погрузиться в тупую работу по раскорчёвке огорода от разросшихся слив, как в памяти вставали события и люди, стоящие за этими событиями. Первое выступление у микрофона на смотре художественной самодеятельности с нашим ансамблем, новый кларнет, закупленный по плану расширения оркестра и по-

ручение Бомборы осваивать его по «Школе игры на кларнете». Новые тромбоны с кулисами на шесть позиций. Всё равно что играть на скрипке без ладов: попробуй понять, когда заканчивается одна нота и начинается другая, а между ними диезы и бемоли. Головняк. Как-то незаметно выучились ноты и уже не надо во всех партитурах подписывать положение вентиля под каждой нотой. Хотел бы я посмотреть, как они будут прописывать это для кларнета. Раз Бомбора наехал за то, что я нашёл в шкафу скрипичные ноты Николо Порпора квартет и попытался разучить с нашими оркестрантами. Труба, тенор, альт и туба.

– Снова хернёй занимаетесь? – опустив голову вниз, глядя поверх очков на огромном носу спрашивает тоном, не обещающим ничего хорошего.

Мудрёные мелизмы нашим парням так и не зашли. Мордент, группетто, барокко, одним словом. Или рококо, всё одно – с кондачка не сыграть. Тут обычную трель сыграть проблема. Бомбора принёс нам ноты Дж. Верди, марш из оперы «Аида»:

– Попробуйте запороть, народные артисты!

Однако духовые дела уже не так радовали. Через коридор в комнате репетировали гитары, электроорган и ударник. Это был совершенно другой уровень. Вакантных мест там не было, да и из оркестра нас бы не отпустили. Факт. Там рулил зять директора Олег с чудной фамилией Мандрик. Ему и погонялово не нужно – Мандрик. Иногда к ним на репети-

ции захаживал наш трудовик, удивительно душевный человек. Сергей, по батюшке не помню, вроде Васильевич. Под его чутким руководством мы каждый день работали на жеребейках. Это такие металлические вкладыши в литьевые формы. Мы их клепали для шефов-заводчан сотнями штук. Он тоже с гитарой на ты. Как-то выбрал минутку и попросил в заранее разлинованную тетрадку поставить аккорды для гитары. Он удивился, но сделал. А так как гитары в отряде не было, пришлось взять дощечку, разлиновать лады, прибить гвоздики и натянуть верёвку. Хоть что-то. В гитару я влюбился раз и навсегда. Никакой дополнительной мотивации не требовалось. Не то что нашему гитаристу Фоке, в миру Фокину: во вступлении к песне «Берёзовый сок» надо было в С мажоре в III позиции мизинец сдвинуть с Е на F, так называемый C sus4, а потом вернуться в исходный C. Мандрик был по всей вероятности страстным поклонником группы Битлз, знал много «фирменных» аккордов и не допускал упрощения. Кварта давала особый колорит аккорду и тогда он не диссонировал с вступлением на органе. Фока всё время забывал и всем приходилось начинать вступление снова. Фока с воли умел играть три блатных аккорда, поэтому попал в ансамбль. Как-то вечером мы слышали гнусавый фокинский фальцет из спальни первого отряда: «Голуби над зоной пролетают. Голубям нигде преграды нет» ... Мы, оркестранты, выходили украдкой в коридор и слушали через закрытую дверь, пока Бомбора не загонял всех в класс.

Ещё одно воспоминание касалось тоже духового оркестра, но к музыке отношения не имело. Молодой растущий организм в условиях ограниченного рациона требовал постоянной подпитки харчами. Бомбора добился у директора разрешения на допаёк для оркестрантов. Нам приносили каждое занятие две белых, нарезанных буханки на алюминиевом подносе из столовой. Есть хлеб просто так можно, только есть куча способов как сделать его вкуснее. И я не про сахар. Как-то мне пришла в голову идея жарить хлеб на утюге. Мы брали старый утюг, включали и прижимая (проглаживая) кусок хлеба на подносе с двух сторон получали весьма вкусный продукт с горячей хрустящей корочкой. Уговор был такой, что новый утюг для этого не брать. Но кто-то ведь прижёт его, тогда-то всё и выплыло. Паёк не отменили, но хлеб выдавал сам Бомбора в конце занятий. Как эта технология меня потом выручала в армии. Идея витала в воздухе, просто я первый её воплотил. Приятно это осознавать.

Всадники у врат хард-рока

*Всадник у врат Зари
(название альбома Флойдов)*

После того, как первый состав «Ярко Фиолетовых» появился как всадник у врат хард-рока, перед ними встала проблема репертуара. Долгих девять месяцев шла работа над первым альбомом «Тень Ярко Фиолетовых». Материал частично состоял из каверов, а свой рождался после джемов мозгами вокалиста Рода Айвенса и басиста Ника Пампера. Он уже тогда понял, что таким составом не пробиться вверх. Можно застрять и раствориться среди таких же начинающих искателей романтики. Если за точку роста взять их с Джоном поиски своей почвы в роке, то эти криэйторы тянули проект вниз. Ни вокал, ни материал его не устраивали. Если в каверах ещё чувствовалась новизна прочтения, то, когда дело доходило до доморощенного, всё было печально. И какая-то сорока на хвосте принесла весточку, что Айвенс активно готовит сольный проект. Дело, налаженное с таким трудом, грозило развалиться в любой момент. Причём вклад этих партнёров был слишком скромным, чтобы ставить на кон судьбу ещё троих игроков. Джон номинально считается здесь главным, но его мягкий характер и стремление к компромиссу не дадут старту нужное ускорение. Назревал серьёз-

ный мужской разговор. Воздух на репбазе был наэлектризован так, что молния могла сформироваться в любой момент. Айвенс опаздывал на репетицию в который раз. Его верный друг Ник пытается создать впечатление что всё под контролем и волноваться не надо. Последний перл от него в сторону возмущённого гитариста просто верх цинизма: «Рифф на гитаре может придумать каждый дурак, а писать тексты – оч редкое искусство. Так что будьте благодарны судьбе, что свела вас с Творцом». Это был взрыв сверхновой и слияние двух чёрных дыр в одном флаконе. После этого менеджеры указали сладкой парочке на выход, а место у микрофона занял Ян, который привёл знакомого басиста. Раньше они играли в одном коллективе. У Яна хороший крик и диапазон что надо. Правда тексты несколько простоваты в сравнении с той музыкой, что они создавали, но может он один так думал? Публика принимала их тепло. Единственное что не удавалось новому фронтмену, так это блюз. Самый обыкновенный блюз, который есть основа и каркас их музыки.

Джон как-то между делом заметил:

– Чистый блюз – слишком узкая позиция, слишком много условностей и ограничений. Соревноваться с теми, кто съел собаку на блюзе бесполезно. Это не наша аудитория.

Но сам Джон тяготел к творчеству вокруг классики. Это тоже тупик. Классика слишком строгая, не допускает импровизаций, а блюз ограниченный. Если он сможет перетащить Джона в утяжеление, они будут создавать уникальный

материал. А это уже претензия на оригинальность и свою собственную аудиторию. Это то, к чему он стремился день за днём выстраивая свою империю на осколках бибопа, рок-н-ролла и блюза. Работа в команде Скотча не прошла бесцельно. Там он понял, что помимо музыки есть ещё её подача – шоу. Без шоу самая гениальная музыка становится звуковым фоном для завсегдатаев пабов и ресторанов. Звук, свет и шоу – больше половины успеха, а материал у них будет первоклассный.

Теперь каждый из них занимал свою нишу в проекте: Джон, если не имел идей, мог написать отличное соло; Пейджи следил за тем, чтобы они оставались в рамках нужного ритма; Ян писал текст и завершал работу, ибо песня только тогда становится песней, когда вы её услышите вживую; он – создавал каркас и форму репертуара; Джерри всё это склеивал своим басом. Это была химия, работа стала эффективнее, а главное – им было из чего выбирать. Материала было предостаточно, и он был добротного качества, даже для такого зануды как он сам. Тень «Ярко Фиолетовых» легла на мир, но от неё стало, наоборот, светлее.

Новый бугор

В отряде шишку держал Лёва. Крепко сбитый, с челюстью боксёра, со скошенным затылком, без жалости, без чувств, биоробот. В малолетке «общего» нет, да и что там может быть? Денег нам не выдавали, ларька не было, с воли грёв был, но условно. Может кому ко дню рождения конфет пришлют сердобольные родственники. Жили как в санатории, на всём готовом. Хавчик был справный, не баланда. Единственной валютой было курево. Если ты не курящий с воли, то париться не о чём. Кто давно втянулся – ломался на сухую. Так говорят о полном отказе не по своей воле. Курение среди воспитанников было строжайше запрещено. Даже сотрудники на территории никогда не курили. Марго за этим строго секла. А Лёва имел свой канал контрабанды. Этой осенью поступили к нам три девчонки, три учительницы. Одна, пухленькая, мамина дочка, смущалась и краснела от каждого неосторожного взгляда. Другая, аккордеонистка, дочь директора. Из себя хорошенькая, всё при ней, любила «Лебединую верность» песню Мартынова исполнять. Уж больно деятельная, да и муж её всё время крутился рядом. Он, кстати, и руководил вокально-инструментальным ансамблем. Её с ходу прозвали Мальвиной. Третья училка была оторвой. Страшненькая, худющая, с большим носом. Чуть что не так, сразу срывалась на крик. Вот к ней—то и подобрал ключик

Лёва. Под разными предлогами оставался на внеклассную работу. Плакаты учебные закрепить в рамках, парты привести в порядок, покрасить батареи в кабинете, обновить линолеум на доске. Причём ходил всегда один, никого в помощь не брал. Через некоторое время стали замечать его плодотворное влияние на Танюшу. Орала уже не так часто, краситься стала тщательно. В мини-юбке её бы к работе не допустили, но с такими кривыми ногами она ей была противопоказана. Преображение было на лицо. Платья стали тонкими, бугорки на лифчике проступили, не торчали, а как бы обозначились. С Лёвой он переглядывались как старые знакомые, а иногда, на перемене, ворковали вполголоса у окна. Кто-то из первого отряда что-то не вежливо сказал Тане и вечером был приглашён на «стычку» в умывальник. Лёва не бил по лицу, но по всему остальному отработывал как по мешку долго, методично, с оттяжкой, пока не покрылся испариной широкий лоб. Дуэль хоть и была честная, весовые категории несоизмеримые. Был такой обычай: каждый новичок в отряде должен был стукнуться с Лёвой. Результат был предсказуем. Один какой-то боксёр успел дать отпор Лёве, но это стоило ему выбитого зуба.

Малолетка такая же зона как лагерь, только всё здесь попроще. Вместо кума – старший режима, бой-баба Маргарита Петровна; вместо вертухаев – три бывших зэка, инспектора режима, которые дежурят на КПП и в спальных блоках по ночам. Таня подгоняла Лёве курице, а Лёва ей... Ско-

рее всего с ведома Марго (не можешь бороться – возглавь процесс). Да, Лёва сам не курил, но менял в обмен на услуги и информацию. Стукачей все знали, но за руку никто не ловил, да и куда ты денешься с подводной лодки? Ходили слухи, что Лёва уходил в самоволку за забор к Тане. Только слухи, но Маргарита Петровна умела разыгрывать сложные шахматные партии, где люди были всего лишь фигурами, а она даже не королевой, а гроссмейстером, который всё и разыграл. Слухи не бывают на пустом месте. Либо Таня оговорила к кем-то из девочек, а наш шнырь погрел уши, либо сам Лёва кому похвалился. И всё бы ничего, совет да любовь, только стал Лёва закручивать гайки по беспределу. Сделал новую наколку – на стычку; плохо работаешь на промзоне – на стычку. Пацаны напряглись, это уже не по понятиям. Как-то летом, перед ужином на прогулке не сговариваясь кинулись на забор. Обычный дощатый забор, гладкий, без выступов, но разве можно удержать шестнадцатилетних отчаянных парней? Это в зоне две колючки с нейтралкой, вышка с вертухаями под автоматами, а в малолетке обычный забор и обходчик из службы режима. Да и что он сможет, если с полсотни парней одновременно кинутся на забор? И это всё-таки случилось.

Потом была ночёвка в старой конюшне в копне сена. Ночью пошёл дождь и капли шумно колотили по дранке. Утром засветло двинулись в путь. По дороге на задах сорвали несколько едва начавших наливать капустных кочанов.

День прошёл в бесконечном блуждании по лесу. Уже успели пожалеть, что сорвались в побег, да и за нами как будто никто не гнался. К утру следующего дня вышли на железнодорожную ветку. Всего нас было человек пятнадцать. План был дождаться поезда и запрыгнуть в вагон, а там куда-нибудь да вывезет. В команде нашей были не маменькины сынки, а прожженные бродяги, намотавшие не одну сотню километров по стране. Не все, но в основном.

На другом конце континента

Напряжение в группе достигло предела. Мы почти не общались. Устроители предложили днём экскурсию по городу. Он даже не вышел из номера. Мы уехали и всю поездку словно ждали развязки. Во время интервью на смотровой площадке я и басист много шутили в камеру. Остальные были не готовы нас поддержать, рассеяно улыбаясь. Состояние было удручающее. Чёрт возьми, когда ты на пике, Луну можешь достать, но всё может быть разрушено одним человеком, не по злобе, не из холодного расчёта, а просто из дурного расположения духа. Эта балансировка на острой грани доводит до исступления.

Вечером перед выступлением всё было спокойно. Казалось, ничего не произошло, но мы-то знали, что он не забудет нам этот вояж. Однако за приготовлениями все погрузились в обычную рутину. – Старина, – окликнул я басиста Джерри, – у тебя в ящике микрофон? – Ну да, это осталось от парня, который играл до меня. Я даже не знаю рабочий он или нет? – О Кей, давай проверим. Сегодня второй микрофон мне не мешает. Кто знает, что на уме у того, кто считает себя гением. – Ты не видел Мика (роуди)? – Кажется он торчит в кабине звукаря. У того отвратительный английский. Не понимают друг друга. А зачем он тебе? – Спрошу шнур к микрофону. Запасной у меня есть, берегу на форсмажор. –

Давай, десять минут у тебя точно есть.

Свет погас неожиданно и только красные прожектора подсветки сверху бросали жирные овальные пятна на сцену. Публика оживилась, на галёрке пересвистывались и кричали что-то гортанное. Всё было готово, но он не вышел. Я повернул голову в сторону Джона, и он тоже оторвался от клавиатуры. Хотя и было темно, но все эти лампочки индикаторов давали слабый рассеянный свет и на сцене, при желании, можно было сносно разглядеть всех. Кажется, мы поняли друг друга: медлить дальше нельзя. Джон коротко рявкнул аккордом и Пейджи начал отсчёт. На балконе подтанцовки вспыхнул боковой свет и дива, в темноте казавшаяся манекеном, вдруг ожила. Подняла плавно руки и повела бёдрами. Гитара настроенная и подключенная лежала на сцене у рампы. На голове усилителя горели лампочки и любой фон, наведённый на кабель, отзывался дыханием в спину счетверённых двенадцатидюймовых динамиков, готовых взорваться в любой момент неистовым рёвом. Мы отыграли первый куплет и, казалось, он так и не выйдет, но чётко к началу второго куплета он привычно перебирал лады как ни в чём не бывало. Это было ответкой за утренний вояж. Ребята заметно ожили. Такая развязка не самый скверный вариант. После выступления наступила апатия. Я был выпотрошен и даже не спустился в бар выпить с ребятами пива. Хотелось только одного – в душ и спать. Спать столько, сколько сможешь и без сновидений. Просто провалиться в темноту и от-

ключиться. Когда мы выходили из лифта, Джон, улыбаясь поддержал – Забей, парень. Живи ровно. А внутри всё кипело. В ушах стояли его безумные слова, – Не дай бог тебе зайти в мой угол – о**ячу гитарой. И глаза, большие, злые, чёрные, как и сам он весь в чёрном и большая чёрная шляпа звездочёта. Даже не верилось, что месяц назад мы проживали в одном номере и как-то, за кулисами, он вполголоса признался, – Ты мой герой.

Марго

Откуда она взялась никто из персонала не знал. До неё сидел тихий неприметный дедушка, бывший военный. Но военные бывшими не бывают, а трезвенников среди них нет. Дедушка так же тихо тронулся после очередной «поездки на красное море». Прошло примерно с месяц. В тот день позвонили из Исполкома, вызвали директора, а приехали они уже вдвоём. Кстати, о директоре. Она уже двоих директоров пережила. Наш был третий. Сергей – мастак из промзоны как-то намекнул:

– Марго обходите за километр. Она одного директора пидором сделала, другого алкашом. Держитесь от этой бабы подальше, если хотите побыстрее на волю с чистой совестью.

Женщина она была статная. Красивые ноги, грудь, причёска. Портит немного шрам от заячьей губы. Но не сильно. Нам, не избалованным женским присутствием, она по началу казалась богиней. Одному всевышнему известно сколько пацанов на неё «гоняло лысого» в туалете. Она ни с кем из персонала не дружила. Своих инспекторов держала в ежовых рукавицах. Никогда я не слышал, чтобы она кричала. Если начинались непонятки, у неё изменялась речь. Слова она проговаривала медленно, чеканно, весомо, как забивала их молотком вместо гвоздей. А ещё у неё не было врагов. Никогда её распоряжения не отменяли, кроме неё самой. И,

казалось, время не властно над ней. Сменялись директора, приходили и уходили учителя после обязательной трёхлетней отработки, присылали новых воспитанников, выпускали старых домой, а она была такой же хорошенькой и недоступной как Снежная Королева.

Вчера вечером, когда она уже ужинала, ей позвонили. Жена директора с труднопроизносимым отчеством Саввична сказала коротко:

– У нас побег. Приезжай!

Директор на месте предупредил: – Сдашь – уйдём вместе. Вину твою докажу.

Она приняла условия – сутки молчать. Если успеют, найдут, все дадут подписку о неразглашении. Уж она позаботится. Во всяком случае директора она заставила написать наспех распоряжение о запрете распространения информации о побеге сегодняшним числом. Сутки пошли.

Ещё несколько часов и сутки кончатся. Саввична ей шепнула, что вышли на след. Она, Марго, знала цену такой трепотне. Выгораживает мужа. Бойтся, что их уютное гнёздышко разорит выездная комиссия. Нет, она не завидовала. Она была мудрая женщина. Если рядом крепкий руководитель, то:

- а) Он не продаст;
- б) Он сделает свою половину работы качественно;
- в) Он прикроет в случае чего.
- г) Он всегда прав, ибо он отвечает всегда и за всё.

Крепкий руководитель – это опора. Как заставить его не копать под тебя – это она знала в совершенстве и этим всегда руководствовалась в своей работе.

После этого звонка она вернулась домой уже за полночь. Автобусы в это время ещё не ходили, а такси редко заезжало в рабочий посёлок. Она, не раздеваясь легла поверх одеяла, сбросив туфли на пол. Напряжение последних событий не отпускало. Как трудно быть железной леди, когда ты такая же обычная баба. Чем она отличается от Саввичны? Тем, что должна всё знать, всё предвидеть, всё вовремя подчистить, а Саввична в это время хлопочет в своём гнёздышке, чистит пёрышки. За мужем. Волнуется, чтобы её благоверный не простудился, болтаясь по лесам. И потом придёт на всё готовое? Когда всё разрулят другие. А кто это другие? Марго улыбнулась сама себе. Ей уже «шепнули», что Саввична приходила в банный блок, когда мылись старшие отряды. Якобы спросить у медсестры старушки Фаины Васильевны округлые ножницы для ногтей. Фаина Васильевна была и медичка, и кастелянша в одном лице. Мы её не стеснялись. Шли в чём мать родила выбирать у неё из кучи подходящие трусы и майки. «Ну, Саввична. Ах ты старая манда, климакс в башку, а туда же. По мальчикам», – Марго взяла след. Теперь каждый новый шаг Саввичны будет против неё самой. А потом? Потом пусть САМ разбирается с жёнушкой, но доказательства будут железные. Марго давно работала в «системе», там свои правила игры. В интересах системы,

чтобы ничто не утекло наружу. Так завоёвывают авторитет, так строят карьеру. Марго не нужна карьера, а система без таких как Марго развалится. Правила пишутся кровью, иногда правда не только. Много других биологических жидкостей содержится в человеке.

Пару лет назад, в кои то веки, она ездила на родину проведать родителей. А вечером прибежала старая подружка и утащила к себе в гости. – Мои уехали с ночёвкой на дачу, а мы девичник сделаем. Марго сразу предупредила:

– Не спрашивай о нём, я всё забыла. Не хочу думать даже.

Они выпили сладкой наливочки, поболтали полночи. Правда болтала подруга, а Марго слушала. Слушать – её работа. Потом ей постелили на диване, куда ты пойдёшь в такую поздноту. Потом они лежали в темноте и перешёптывались. Толи духота виной, толи эйфория от встречи, но сон не шёл. И вот подруга спросила:

– Марго, а у тебя там мальчики красивые есть?

Марго поняла по-своему и ответила: – Полно.

– Да ладно? И как они в постели?

– Дура ты, Нинка. Вон у тебя у самой парень растёт. Нет у нас такого. А при мне не будет. Хоть бы и сама директорская жена позарилась. Я за это деньги получаю, немалые. Блядства не потерплю. Как ты могла такое подумать? Подруга беззвучно смеялась, глядя в потолок. А Марго не могла остановиться:

– Знаю я ваши бабские сплётки «у реки работать, воды

не напиться». Да они ж ещё дети! Дети с большими яйцами.

Она вспомнила тот разговор. Машинально взяла двумя пальцами за подол и потянула его вверх. Подняла вверх свою точёную ногу, полюбовалась на неё. Пальцы скользнули по верх ажурных трусиков под резинку. Сначала она гладила открытой ладонью коротко остриженный лобок, потом палец скользнул туда. Ухватившись за бугорок, она принялась его тереть, закусив губу и тихо охая.

My Woman from Osaka

*Моя женщина из Осаки
(название песни)*

И всё же разрыв состоялся. Он ушёл сам. Просто как-то утром, когда по обыкновению и порядку заведённом им же играли в футбол, он невзначай кинул, – Я слышал Джо Киприани. Этот парень вытащит вас из дерьма. И все поняли, что это и есть развязка. Джерри с Джоном целый час дозванивались до офиса на другом конце света, чтобы срочно вели переговоры с Киприани. Турне ещё не закончилась, а проблема приобрела зримые очертания. Я впервые с удовольствием выдохнул и вдруг захотелось просто жить. На этот случай я припас ещё в Лондоне шотландский скотч и теперь будет повод открыть бутылку. Правда оставалась проблемка с непонятками в оплате, к которым он приложил руку, но контракт у меня был постоянный и на руках. Такая же бумага, как и у других музыкантов. Это можно разрулить дома.

Парни из Лондона давили: нужен новый альбом. Позиции в чатах проседали и интерес медленно, но, верно, перетягивали конкуренты из Стального Стратостата. Они как раз разродились очередным перлом.

Сегодня прилетел Джо Киприани. Простой парень без закидонов. Дали ему время послушать рабочие записи, а ве-

чером джемовали на пустой сцене. На сегодня выступления не было и это пришлось как нельзя кстати. Джо не стал до тошно копировать гитару целиком. В ключевых местах всё игралось, как и у него, но в остальном Джо был самим собой и нам всем это чёрт возьми понравилось. Главное никаких неожиданностей, никаких не запланированных импровизаций по ходу, от которых у всех мурашки по коже. Тогда все смотрели, когда он кивнёт Джону вступать на клавишах и это напрягало. Приятно, когда сет отыгрывался без закидонов. Можно больше уделить внимание шоу. Очевидно, Киприани чувствовал этот холодок, который ещё сидел у всех в головах. Вечером он смущённо улыбался, но за улыбкой стояло напряжение. Не от того, что он попал в легендарную уже группу, тень бесноватого была незримо над всем что мы делали. И то, как Джо собирал кабеля, как укладывал гитары в кейсы, как общался с роуди выдавало его нервозность. Он привёз много чего для игры, но в офисе его сразу предупредили, что звук должен быть один в один. Никаких экспериментов. Спасибо барабанщику Пейджи, он сразу взял опеку над новичком и это здорово разрядило обстановку. С антресолей у звукаря доносилось моё фирменное «май вума фром Осэка». Запал япошка. Турне шло в закат и в воздухе повис немой вопрос: Что дальше? Захочет ли Киприани и дальше работать в группе? Для любого другого гитариста с улицы требовался очень высокий уровень владения инструментом. И не только. Планка, выставленная нашей предыдущей ра-

ботой, была очень высока. Он при всех своих закидонах был Творцом. На всём стояла его печать. Ему ничего не стоило сыграть с первого дубля на студии то, что мы наджемовали неделю назад. У него чутьё на оригинальность. В этом ему не откажешь. Один раз в запале он как-то сказал, – Я придумываю один, а деньги получают пятеро. Тут он, конечно, немного преувеличивал. Джон многое из его идей перекладывал и аранжировал. Нужно было побереечь мои связки. Их, как расстроенные струны, не подтянешь колками. Вспомнил, его идея была назвать предыдущий альбом «Колок». Никто так и не понял почему, но спорить не стали. Пусть будет так. Возможно если вспомнить какие сквозняки стояли в холле того отеля в Монтрё, где волею судеб мы дописывали альбом. Ему без конца приходилось крутить колки, а некоторые куски всё же пришлось переписывать после контрольного прослушивания. Уж больно сильно съезжал строй гитары. После такого испытания сам бог велел нам быть добрыми друзьями, но не в его случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.